

А. Мартиросян

К характеристике города Тейшебани

Город Тейшебани являлся одним из крупнейших центров, созданных урартами после завоевания плодородной Араратской равнины.

На высоком левобережном мысу речки Ильдарунна (ныне Раздан) возвышалась обширная цитадель с примыкающими с запада двором и мощной крепостной оградой.

Громадное для того времени поселение, охватывающее цитадель с запада и юга, являлось городским поселением древневосточного типа, построенным в VII в. до н. э. по всем правилам современного градостроительства¹.

С восточной, северной и южной сторон его ограждали мощные оборонительные стены, незавершенные еще строительством к моменту гибели города. Жилища были застроены цельными комплексами, расположенными в отдельных кварталах, которые образовались между пересекающимися прямыми улицами, идущими с запада на восток и с севера на юг.

Жилища, раскопанные здесь с 1948 по 1953 гг., состояли из трех сообщающихся помещений, одно из которых являлось главным. В главных помещениях всех жилых комплексов располагались глиняные тондыри, прямоугольные каменные очаги и разнообразная утварь. Часть этих помещений почти всегда отгораживалась низкой каменной перегородкой. Одной из отличительных черт этих жилищ являлось отсутствие в них помещений для скота и для хранения сельскохозяйственных продуктов².

¹ Градостроительство в Армении началось именно в эпоху урартских правителей в связи с оформлением мощной государственной власти, одной из основных функций которой являлось создание городов и ирригационной сети в наиболее важных районах страны. Об имевшем место градостроительстве достаточно четкие сведения сохранились в урартских клинообразных надписях, связывавших созданные вновь города с именами урартских царей и богов (Менуахинили, Аргиштихинили, город Малый Русы, Тейшебани, город бога Халди и т. п.). Применение определенных градостроительных приемов (выбор места, наличие цитадели и храма, планирование и трассировка городских улиц и кварталов, а также примитивное проектирование отдельных зданий) наряду с наличием градостроительных традиций в более поздний период армянских Оронтидов (III в. до н. э.) свидетельствует о положительном опыте урартов в деле создания крупных или малых городов (см. Г. Х. Саркисян, Градостроительство в Армении при Тигране II... «Известия АН Армянской ССР», № 2, 1955).

² См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур II, стр. 17.

Детальное изучение остеологического материала и керамических изделий: толстостенных сосудов с венчиком, простых мисок и горшков, краснощенных одноручных кувшинов и кувшинов с прорезными ручками, представленных обильно в помещениях цитадели, обнаружение во временных жилищах у цитадели предметов вооружения и доспехов, а также ряд других наблюдений, привели В. С. Сорокина к весьма приемлемому выводу о том, что упомянутые жилые комплексы принадлежали урартским воинам, пользовавшимся «сравнительно высоким достатком и свободой» и охранявшим цитадель¹. Однако это не дает основания утверждать, что значительную и основную часть обитателей города составляли именно воины².

Результаты раскопок жилых комплексов, открытых в юго-западной части обследуемого участка городского поселения в 1955—1956 гг., убеждают нас в том, что население города Тейшебаини состояло из разных социальных и этнических группировок, определявших своеобразный облик урартских городов, служивших не только военно-административными базами, но и мощными экономическими центрами, охватившими в орбиту своего культурно-экономического влияния обширные районы Кавказа.

* * *

В 1956 г. были выявлены остатки большого углового дома, расположенного в конце южного квартала, на перекрестке главных улиц. Наподобие жилищ северного квартала, дом этот был выложен из грубо обитого камня местной андезито-базальтовой породы. Для сооружения дверных проемов, подпятников дверных осей, очагов, опорных столбов и баз для столбов употреблялся тщательно обработанный туф и изредка лишь более твердые породы камня. Стены были сооружены без связывающего материала, но с наружной и внутренней сторон покрывались глиняной обмазкой. Вымощенный булыжником пол главного помещения и каменные приступки-скамьи также были покрыты толстым слоем обмазки.

При расчистке культурных слоев не встречены какие-либо детали, характеризующие способ освещения помещений или указывающие на наличие оконных проемов, хотя, судя по плану здания, все помещения его могли иметь боковое освещение.

В отличие от изученных до сих пор жилищ, рассматриваемый дом представлял собой комплекс жилищ и хозяйственных помещений, охватывающий участок площадью около 360 м² и построенный с полным учетом принципов и особенностей урартской дворцовой архитектуры и строительной техники.

Жилая часть дома, состоящая из главного и двух второстепенных помещений, располагалась параллельно оси главной улицы, тянувшейся с за-

¹ См. В. С. Сорокин, Древние поселения у Кармир-блур, автореферат, Л., 1955, стр. 11—12.

² См. В. С. Сорокин, Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту, ВДИ, № 2, 1952, стр. 129.

пада на восток. Главное помещение, площадью около 40 м², имело четырехугольную форму, пол, выложенный базальтовыми камнями и поддерживавший кровлю каменный пилон, весьма характерный для крепостной архитектуры. С обеих сторон столба располагались низкие приступки-скамьи, выложенные булыжником и покрытые глиняной обмазкой. Наличие этих приступок оправдывается перестройкой помещения, выразившейся в отгораживании его по линии столба на две равные части. Первая половина помещения пустовала, в другой — располагались прямоугольный каменный очаг с фрагментами большого светло-глиняного сосуда, базальтовая ступа с ладьевидной зернотеркой и глиняный тондыр малого диаметра.

У входа второго помещения, занимающего около 20 м², обнаружен камень, вкопанный в земляной пол и имевший специальное углубление для вертикальной оси деревянных дверей. При расчистке слоя дверной проем оказался заложеным, и на этом месте стоял раздавленный урартский карас с характерным жгутовидным орнаментом на плечах и треугольными вдавлениями на корпусе. Глиняный тондыр с ладьевидной зернотеркой был вкопан в угол дверного проема, как раз у самого подпятника дверей, напротив которых, в некотором отдалении, лежала очень тонкая гладкая прямоугольная плита из базальта, с сохранившимися на ней остатками древесных угольков и золы. У восточной стены помещения стоял сосуд светло-коричневого лощения, а на полу валялись обломки различных сосудов.

Очевидно, что приспособление этого уголка под хозяйственные нужды было связано с перестройкой жилища, отделенного, впоследствии, от главного помещения. В третьем помещении ничего не оказалось.

Таким образом, жилая часть описываемого здания состояла первоначально из главного и двух второстепенных помещений. По своему облику и основным деталям она соответствовала раскопанному ранее жилищу. В результате дальнейшей переделки, путем отгораживания главного помещения от второстепенных, указанный трехкомнатный жилой комплекс был разделен на два жилища, которые состояли из двух помещений: основного и второстепенного¹.

Не останавливаясь на причинах, вызывавших разные пертурбации в городских жилищах, отметим лишь, что указанные выше детали и особенности рассматриваемого жилища позволяют говорить о едином облике и своеобразии открытых до сих пор жилищ.

Однако при изучении остальных частей здания выявлен ряд весьма важных особенностей, которые отличают этот комплекс от всех других. Речь идет не столько о различии в планировке разных жилищ или о положении главного помещения в отношении общей планировки дома, сколько о наличии в этом комплексе хозяйственных помещений и двора, построенных по типу кладовых цитадели. Это длинные узкие помещения прямоугольного плана, заставленные карасами и сосудами разного назначения.

¹ Как увидим ниже, наряду с трехкомнатным жилищем в городе Тейшебани существовали также дома, состоявшие из двух или даже одного помещения.

Одна из кладовых (№ 4—1956), расположенная вдоль южного фасада здания (30 м²), была заставлена в свое время двумя большими карасами урартского типа и большим количеством мелких сосудов, раздавленных под тяжестью обвалившихся стен и кровли. У восточной стены находилась высокая приступка, рядом с которой был вкопан в глинобитный пол чернолощенный карас местного типа, украшенный защипами и двумя рельефными поясками. Сосуды, украшенные подобной орнаментацией, были обнаружены еще в марте 1936 г. крестьянами селения Чарбах в зольном слое у подошвы Кармир-блур. Они повторяют образцы, известные из каменных ящиков раннежелезной эпохи, и не связываются с урартской керамикой.

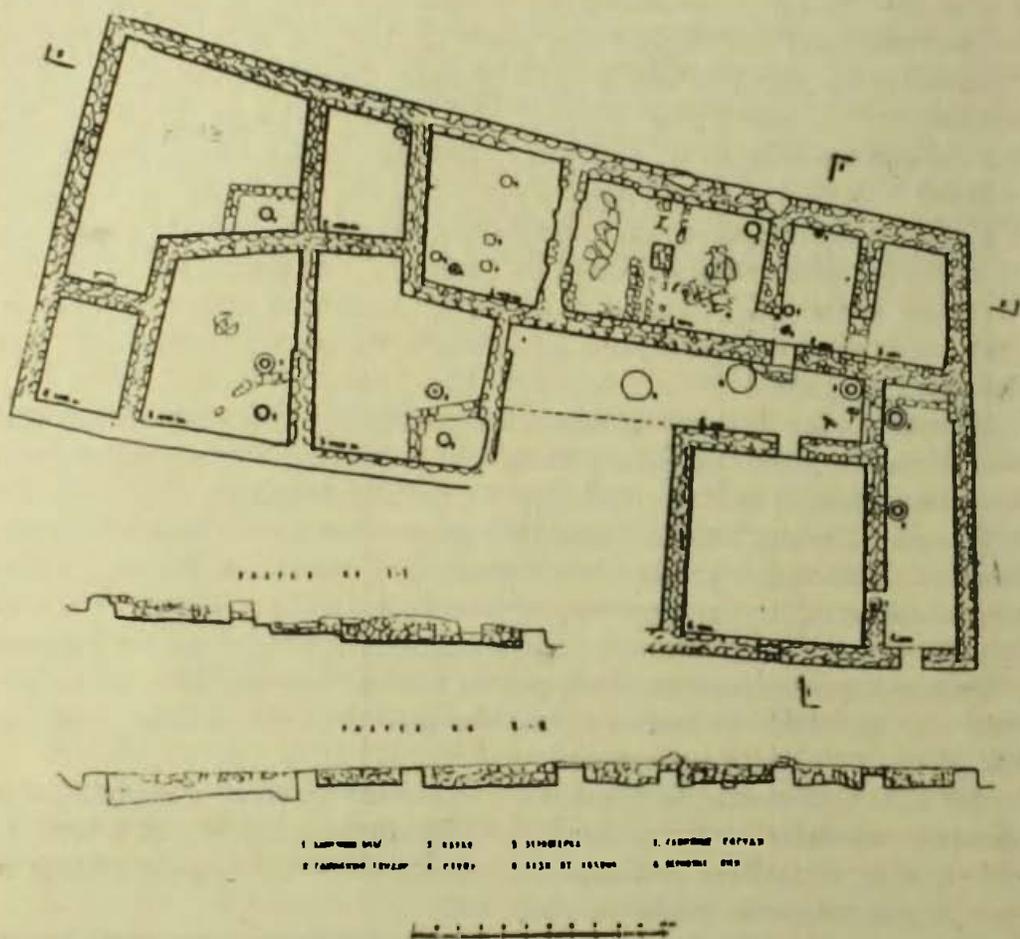

Рис. 1. Жилища, открытые в 1955—1956 гг., и „дом знатного урарта“.

В дверном проеме северной стены оказался большой горшок с вложенными в него мелкими сосудами, принадлежавшими к образцам местного керамического производства¹.

¹ Нет сомнения, что эти сосуды были уронены здесь случайно, и после разгрома поселения впервые коснулась их рука археолога. На основании ряда подобных наблюдений В. С. Сорокин отметил уже, что жилища города Тейшебани были покинуты внезапно и навсегда — их обитатели уже не вернулись к родным очагам

Второе, недоследованное еще, помещение (№ 5—1956) примыкало к жилой части здания с запада.

По своему устройству и по деталям оно почти не отличалось от складских помещений цитадели-дворца.

Сигарообразный светлоглиняный сосуд (фрагментированный), открытый вместе с двумя раздавленными сосудами в восточной части помещения, вполне соответствовал обнаруженным в цитадели «пивным» сосудам, получившим свое характерное название после открытия в некоторых из них остатков фильтра и ячменного солода. Красного лощения одноручный кувшин имеет многочисленные свои аналоги в цитадели. Более интересны сохранившиеся здесь же фрагменты большого кувшина, изготовленного урартским мастером по образцу местных чернолощенных карасов, опоясанных рельефными полосками. На полу помещения валялось огромное количество фрагментов краснолощенных и светлоглиняных мисок и чаш урартского образца, а также обломки базальтовых чаш, предназначенных, вероятно, для декоративного убранства дворцовых помещений. Большие зерновые колодцы (1,3×1,8 м), расположенные в центральной части помещения, как бы подчеркивают его хозяйственное назначение. По всей вероятности, в них содержалось просо, зерна которого были обнаружены недалеко от первого колодца. Сами колодцы оказались порожними. При выемке зерна из первого колодца кто-то уронил бронзовый браслет.

Помимо керамических и прочих изделий в рассмотренных уже помещениях найдены каменное грузило, костяное остроконечное орудие, накладка из обработанной кости, а также ряд других изделий.

Огромный двор здания (№ 6—1956), имевший выход на улицу и связывавший между собой примыкающие к жилой части дома складские помещения, оказался пустым. Таким образом, раскопанное в 1956 г. большое здание состояло из двора, жилых и хозяйственных помещений¹. Наличие последних является важной особенностью исследуемого объекта и указывает на существование определенной социальной прослойки населения города Тейшебани. Рассмотрение строительной техники, архитектурных особенностей и деталей внутреннего убранства подтверждает урартскую принадлежность описанного типа жилищ.

В пользу урартской их принадлежности говорит также полное совпадение вещественного материала с материалом из цитадели дворца.

(В. С. Сорокин, Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту, ВДИ, 1952, № 2, стр. 129). Очевидно также, что при поспешном бегстве горожане должны были захватить с собою предметы первой необходимости: этим объясняется исключительная редкость находок металлических изделий, в частности орудий труда и предметов вооружения, прочно вошедших в быт населения Армении I тысячелетия до н. э. (При раскопках с 1948 по 1954 гг. было найдено всего два железных предмета. В 1955—1956 гг. ни единого предмета не найдено).

¹ При исследовании «дома знатного урарта» в 1957 г. было выявлено скотское помещение, примыкающее ко двору с южной стороны.

На основе всего вышеприведенного мы склонны считать открытое раскопками здание «домом знатного урарта».

* * *

Наряду с вещественным материалом, представляющим полную аналогию обнаруженных в цитадели урартских изделий, в «доме знатного урарта» найдены и предметы бесспорно местного происхождения, что является результатом контакта между соседними кварталами города Тейшебаини, заселенного частично аборигенным населением. В этой связи, прежде всего, нужно упомянуть фрагменты серых, темноглиняных и чернолощенных маслбоек, являвшихся продуктом местного керамического производства и встречаемых зачастую в закавказских погребениях урартской эпохи¹. Они имеют горизонтально расположенную ручку и сквозное отверстие в верхней части сосуда.

Рис. 2. Общий вид «дома знатного урарта».

Не останавливаясь на многочисленных сосудах этого типа, употребляемых до сих пор в некоторых районах Армении, Грузии и Азербайджана, отметим лишь, что фрагменты маслбойки серого цвета, изготовленной из грубого теста и снабженной приостренными налестками на внутренней поверхности, были обнаружены при раскопках города Тейшебаини еще в 1949 г. Другая маслбойка, найденная в «комнате привратника» у южных

¹ См. А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. XIX, стр. 63—64, 89—90.

ворот цитадели, повторяет маслобойки из поселения общей формой и наличием приостренных налепов¹.

Характерную группу местной керамики составляют также обломки вытянутых двуручных горшков светлоглиняного, охра-красного и черного цвета, имеющих узкое дно и низкоотогнутый венчик. Аналогичные сосуды обнаружены в могильниках Тазакенда, Хндзурута, Гехарота, относимых к концу позднебронзовой эпохи, и в некоторых погребениях Ленинакана, Головино, Гехарота (раскопки А. А. Мартиросяна), Нор Баязета (раскопки Е. А. Лалаяна), датируемых VIII—VI вв. до н. э.

Большое количество фрагментированных двуручных сосудов собрано нами в помещениях цитадели. Остальные фрагменты, обнаруженные при расчистке кладовых «дома знатного урарта», принадлежат к разнообразным чашам, горшкам, кувшинам черным, простым и лощеным, бурым и серым. Эти керамические остатки вполне соответствуют керамике из могильников Армении позднебронзовой и раннежелезной эпохи. Среди них особо выделяются фрагменты неглубоких чернолощеных чаш с профилированными, с одной или с обеих сторон, венчиками и нередко вертикальными каннелюрами на корпусе, а также бурые, серые и черные, простые, часто законченные обломки больших горшков, которые орнаментированы волнистыми линиями, сочетающимися подчас с однорядным или двурядным семячковым орнаментом. Рамки настоящей работы чрезвычайно узки для детального анализа и характеристики этого богатого и многообразного материала. Разбору его будет посвящено отдельное исследование². Поэтому ниже, при изложении результатов раскопок второго жилого комплекса, обследованного в течение 1955—1956 гг., мы опускаем описание и анализ гончарных изделий местного происхождения, так как последние повторяют описанные выше образцы, с той лишь разницей, что в них весьма редко встречаются урартские образцы.

Переходим к описанию упомянутого жилого комплекса, который примыкал к «дому знатного урарта» с западной стороны, занимал почти такую же площадь, но резко отличался от него планировкой, строительной техникой и некоторыми архитектурными особенностями. Стены его, разрушенные местами или сохранившие лишь один ряд кладки, находились на разных отметках и были сооружены из мелкого булыжника на глиняном растворе. Вследствие плохой их сохранности установить места дверных проемов можно было лишь окольными путями, исходя из наличия тех или иных деталей. В то время как в строительстве «дома знатного урарта» и других жилищ употреблялся зачастую тщательно обработанный туф для особо ответственных случаев, здесь редко когда можно было увидеть применение туфа. Существенной особенностью этих домов являлось также

¹ См. В. С. Сорокин, Раскопки древнего поселения, Кармир-блур, II, стр. 81—82.

² Анализ керамического материала из гор. Тейшебани, сделанный нами в книге «Раскопки в Головино» (стр. 61—66), правильно отражает, на наш взгляд, соотношение указанной керамики с местной (так называемой закавказской), но является далеко не исчерпывающим.

полное отсутствие хозяйственных ячеек и наличие жилищ, состоящих из одного или двух помещений. Главное помещение жилища № 1—1955—1956 гг. представляло собою квадратную жилую ячейку с тремя круглыми базальтовыми базами, располагавшимися почти в центре ее.

Громадная ступа из базальта и глиняный тондыр находились в углу, у западной стены. Здесь же, на некотором расстоянии от тондыра, располагался базальтовый подпятник. Судя по этой детали, дверной проем находился именно в западной стене и соединял главное помещение с маленькой, второстепенной комнаткой (№ 2—1955—1956), на глинобитном полу которой оказались разнообразные фрагменты керамики местного происхождения и днище тонкостенного караса, расположенного в углу.

Другое жилище (№№ 3, 4—1955—1956) также состояло из двух помещений. Юго-восточный угол большого помещения, охватывающего около 70 квадратных метров, был загорожен мелким булыжником. В этой прямоугольной ячейке сохранились остатки тондыра. Помещение само имело подчетырехугольную форму с уступом в южной части. Здесь, прямо у стены, лежала замечательная базальтовая плита, обработанная в виде лессенки. По-видимому, здесь же находился вход в соседнее маленькое помещение.

Остальные однотипные помещения (№№ 5, 6—1955—1956) не были связаны с какими-либо второстепенными сооружениями. Оба они имели отгороженные квадратные участки, внутри которых сохранились остатки глиняных тондыров, а снаружи днища больших, светлоглиняных карасов. Помещение № 5—1955—1956 имело уступ в северной части, в центре же другого помещения сохранились остатки каменного очага.

Керамика урартского типа была представлена в помещениях второго комплекса лишь семью обломками краснолощенных профилированных мисок и двумя другими фрагментами, представляющими значительный интерес в вопросе взаимопроникновения элементов местной и урартской культуры. Первый из упомянутых фрагментов является частью кувшина урартской работы, снабженного прорезной ручкой и вертикальными каннелюрами. В помещениях цитадели были найдены шейки двух кувшинов, изготовленных урартскими мастерами по местному образцу. Одна из них покрыта красным ангобом, имеет дугообразную ручку со штампованными треугольниками, другая покрыта охра-красным ангобом и имеет ручку с выступающей средней частью. Третий краснолощенный сосуд этого типа хранится в Государственном Эрмитаже (№ 17491). Он обнаруживает все признаки работы урартского гончара, но двойная ступенчатая прорезь на его ручке весьма характерна для местных кувшинов.

Разные варианты кувшинов этого типа, работы местных мастеров, обнаружены в цитадели города Тейшебаини в 1953 г. Дугообразные или угловатые ручки этих кувшинов, чернолощенных, серых и желтых, украшены штампованными треугольниками, углышками или трапециевидными углублениями. В одном случае зооморфная ручка крупного кувшина по-

вторяет форму ручек металлических сирул, характерных особенно для Северного Кавказа и получивших широкое распространение от горы Арарат до Приднепровья в период с VIII по VI вв. до н. э.

Изучение описанного типа сосудов, изготовленных урартскими мастерами, указывает во всех случаях на неумелое подражание урартского гончара местному образцу.

То же самое можно сказать о фрагменте типично урартской красной-лощенной чаши, украшенной волнистой линией, чего никогда не бывает на урартских сосудах.

Рассматривая результаты раскопок города Тейшебаини, не трудно заметить, что жилые кварталы его подразделяются на две основные категории. Однокомнатные, двухкомнатные или трехкомнатные жилища, не имеющие хозяйственных помещений, и дома, имеющие, кроме жилой части, также и помещения хозяйственного назначения. Указанная особенность жилых комплексов не только подтверждает предположение Б. Б. Пиотровского о наличии в городском поселении определенных слоев жителей, состоявших на государственном довольствии¹, но и дает основание утверждать, что определенная часть жителей Тейшебаини являлась зажиточной и имела собственное хозяйство.

При этом останавливает внимание и то обстоятельство, что часть исследованных жилищ принадлежит, несомненно, к постройкам урартского типа, отражая особенности архитектуры и строительной техники урартов, в то время как другая их часть построена на основе местной строительной традиции. Весьма вероятно, что наличие жилых комплексов, отражающих архитектурные и строительные традиции разных этнических группировок, является одной из главных особенностей урартских городов, построенных в VIII—VII вв. до н. э. на территории Армении. Напомним, что при раскопках А. А. Ивановского в Ташбуруне наряду с замечательными урартскими постройками оказались также жилища второго типа, которые были сооружены из мелкого булыжника² и по всем своим особенностям повторяли открытые в городе Тейшебаини жилые комплексы 1955—1956 гг. Предположение А. А. Ивановского о том, что в постройках второго типа можно видеть пристройки к жилым помещениям комплекса, отпадает в связи с открытием в Тейшебаини самостоятельных жилых ячеек этого типа. Однако замечание его о двух различных типах построек не только остается в силе, но и подтверждается раскопками жилых кварталов города Тейшебаини. Наличие разнотипных жилищ в указанных урартских городах не дает еще основания судить о принципе территориального размещения основных социальных слоев населения, как это делает архитектор К. Л. Оганесян (см. Кармир-блур IV, Архитектура Тейшебаини, стр. 16—17), определивший, с легкой руки, отдельные, кстати нераскопанные еще, участки, которые были якобы предназначены для урартских воинов и административных лиц, для беднейшего слоя и дру-

¹ См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур II, стр. 10.

² См. А. А. Ивановский, По Закавказью, МАК, в. IV, стр. 35—51.

гих слоев обитателей города. В результате раскопок так называемого «центрального квартала», где по мнению К. Л. Оганесяна располагались дома воинов и администрации, были открыты жилища, принадлежавшие, быть может, воинам и «знатным урартам», а наряду с ними также жалкие хижины, состоявшие подчас из одной комнаты. Подобная картина наблюдалась и в гор. Менуахинили при раскопках А. А. Ивановского, где согласно сведениям урартских надписей продолжало жить и местное племя. Такое расположение жилых комплексов, принадлежавших представителям разных социальных и этнических группировок, было вполне естественно для вновь возникающих урартских городов, которые создавались в целом ряде случаев на базе крупных населенных пунктов, существовавших задолго до появления урартов.

На основании изучения керамического инвентаря, находимого в постройках указанного типа, а также учета архитектурных и строительных особенностей жилищ, имеющих свои прототипы в более ранних поселениях аборигенов, мы склонны предполагать, что в городе Тейшебаини наряду с урартами продолжала жить часть туземного населения, которая после завоевания родного края оказалась на государственной урартской земле в фактически (а может быть и юридически) порабощенном состоянии. Эта часть населения оставила нам для изучения огромный могильник, примыкающий к южной ограде города, а также каменные изваяния своеобразных идолов и других предметов религиозного назначения.

* * *

В период с 1947 по 1956 гг. на территории городского поселения, в том числе и в завале жилых помещений, было найдено значительное количество фрагментов каменных идолов. Полностью сохранился лишь один идол (находка 1947 г.), представляющий грубо ваянную женскую фигуру с массивной нижней частью туловища, передающей сидячее положение фигуры. Верхняя часть идола состояла из прямоугольной головы без шеи и поднятых вверх рук, отделенных от головы глубокими вертикальными вырезами. Лицевая сторона верхней половины идола была занята резным рисунком, покрывающим голову, руки и часть туловища. Рисунок состоял из нанесенных в определенном направлении линий, передающих растение или дерево; условия находки идола указывали определенно на то, что последний был обнаружен *in situ*. Он находился в небольшой яме, был установлен почти вертикально и опирался о большой камень. Культурный слой был насыщен золотом и обломками глиняных сосудов местного происхождения. Перед идолом находилась нижняя часть вкопанного в землю чернолощеного «караса», типа местных сосудов раннежелезной поры. Участок обнаружения идола характеризовался отсутствием урартских построек или каких-либо остатков, связанных с урартским культурным кругом.

Однако, из-за отсутствия четких стратиграфических наблюдений, ука-

занные культовые памятники, опубликованные в свое время В. С. Сорокиным, были ошибочно приписаны урартскому населению Тейшебаини¹.

Новые стратиграфические наблюдения и данные раскопок 1955—1956 гг. опровергают это мнение целиком.

При расчистке огромной кувшинной кладовой, открытой прямо на поверхности холма (пом. № 44, 1954) выяснилось, что большие карасы были подняты хозяевами крепости на уровень второго этажа за счет каменной забутовки, занимавшей весь первый этаж. Среди камней завала оказалось большое количество фрагментов идолов из рыжевато-го туфа, а также крупный обломок фаллоидного изваяния. Аналогичные фрагменты были обнаружены в 1955 г. среди камней, выпавших из кладки урартского жилища в первом квартале городского поселения, в стене раскопанного нами жилого помещения, а также в одном из случайно открытых погребений кармирблурского могильника. Рядом с этим погребением была открыта другая грунтовая могила, где, кроме человеческого скелета, оказались глиняные и бронзовые предметы, характерные для местного погребального инвентаря IX—VIII вв. до н. э. Находки подобных идолов и фаллоидных изваяний весьма часты в окрестностях или в самих могильниках аборигенного населения начала I тысячелетия до н. э. Все это позволяет считать установленным, что каменные идолы и фаллоидные изваяния не связаны с обнаруженной здесь урартской культурой и что верхний рубеж датировки их нужно считать VIII в. до н. э.

Поскольку упомянутые памятники религиозного культа обнаружены вне урартской среды, в различных местах города, цитадели, могильника, а также в могильниках и в окрестностях поселений аборигенов в других районах Армении, то можно принять это как указание на наличие мощного туземного элемента в районе Тейшебаини до VIII в. включительно.

Не только стратиграфические данные, но и сравнительное изучение упомянутых культовых памятников приводит к неотразимому заключению о доурартском их происхождении. Дело в том, что идолы города Тейшебаини в основных своих чертах совпадают с более ранними культовыми статуэтками, получившими широкое распространение, начиная с эпохи неолита, на обширной территории от Балканов и восточного Средиземноморья, включая Малую Азию до южного Двуречья. Весьма близкие аналогии мы находим в древней Греции и в Шумере. Более или менее приближающиеся образцы подобных статуэток известны из Кикладских островов, Крита, Трои, Аладжа-Уйук, из района среднего течения р. Евфрат и т. д. Все это говорит в пользу того, что нет особой необходимости связывать эти культовые памятники с урартским культурным кругом и считать, что именно урартское население утвердило в Тейшебаини тот образец домашних идолов, которые так часто встречаются на территории города.

Обследование погребений Кармирблурского могильника показывает, однако, что неурартский элемент населения этого города продолжал свое существование вплоть до VI в. до н. э. В пользу этого говорит, например,

¹ См. В. С. Сорокин, Древние идолы города Тейшебаини, «Известия АН Армянской ССР», № 5, 1951, стр. 80, 82.

анализ инвентаря парного погребения, открытого в 1956 г. за южной оградой города. Это погребение было обложено камнями по бокам и покрыто большой базальтовой плитой. Мужской и женский скелеты с бронзовыми рубчатыми браслетами на руках лежали на левом и правом боках в скорченном положении. У шейных позвонков левостороннего скелета оказалась бронзовая игла, а у фаланги — проволочное кольцо и несколько пастовых бус, названных Б. А. Куфтиным «бусы в виде домино». Таковые были найдены в помещениях цитадели и городских жилищ, а также в многочисленных погребениях Армении (Головино, Ленинакан, Редкин лагерь, Кахси, Сисиан и др.), относимых к VII—VI вв. до н. э. Керамический инвентарь погребения также вполне соответствовал материалу из городского поселения, цитадели и могильников Армении. Характерно, например, что чернолощенная глубокая миска с остроконечной крышкой была снабжена треугольными выступами — ручками с вертикально проткнутым отверстием, каковые были обнаружены в урартских жилищах Тейшебаини в массовом порядке¹.

* * *

Аборигенное население города Тейшебаини, культура которого представлена погребальным инвентарем, идолами, фаллическими изваяниями и массой керамических изделий, занималось в основном земледелием. Кроме всего прочего, на это указывает анализ формальных, морфологических и стилистических особенностей идолов, являющихся локальными выразителями комплексных представлений аборигенов о растительных силах природы и женщине — основной носительнице идеи плодородия². Они приближаются к изваяниям или изображениям божеств, отображающих идею плодородия и осеменения земли, на что, кроме всего прочего, указывают растительный рисунок верхней части идолов и руки их, передающие скорее всего дерево.

Эта важная особенность сближает идола города Тейшебаини с целой группой аналогий, принявших уже вполне антропоморфный облик, но сохранивших следы бывшего представления, в форме листьев или ветвей, как бы вырастающих из плеч фигуры. К числу последних относятся, главным образом, те изображения или статуэтки, которые связаны с умирающими и воскресающими божествами или же с божествами растительности и плодородия вообще (ср. изображения богини любви и плодородия Иштар, Гезерскую фигуру богини-матери, поясную статуэтку, приписываемую Персефоне, и пр.).

Вторая группа аналогий, включающая более ранние женские каменные статуэтки, изображающие божества материнства, земледелия и плодородия, приближается к идолам из древнего Тейшебаини по морфологическим и стилистическим признакам. Сюда входят грубо ваянные антропоморфные фигурки неолита и более поздних времен, получившие широ-

¹ См. А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, стр. 60—66, табл. XXI.

² Впервые на это указал В. С. Сорокин, исходя из морфологических признаков каменных идолов.

кое распространение в Эгейском море, Малой Азии и в Двуречье. Они снабжены основными атрибутами, характерными и для наших идолов.

Однако среди множества более или менее близких аналогий мы не находим вполне тождественных образцов, соответствующих нашим идолам по всем основным чертам. Это свидетельствует, несомненно, о самостоятельных путях развития земледельческих культов и соответствующих культовых предметов в доклассовой Армении.

Так или иначе, земледельческие культы и обряды, а также связанные с ними религиозные предметы, являются продуктом творчества ранних земледельцев Армении, которые создавали изображения идолов, чтобы поклоняться им. Подобные идолопоклонники продолжали жить при урартах в городе Тейшебаини. Руками этих идолопоклонников-земледельцев обрабатывалась земля, наполнялись амбары и винные погреба цитадели Тейшебаини, выполнялись разнообразные работы, связанные с сельским хозяйством. Отпечатки этих мазолистых рук сохранились на глиняной обмалке пола помещения, связанного с кунжутной мастерской цитадели. Память о них сохранилась, вероятно, на фрагментах клинописных табличек, повествующих о строительной деятельности¹ на берегах Ильдарунни, засвидетельствованной клинообразной надписью Русы II, строителя города Тейшебаини².

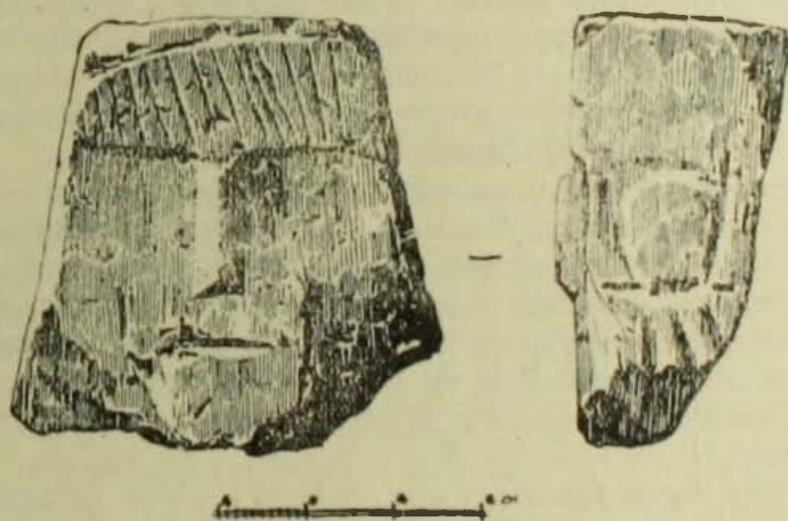

Рис. 3. Голова идола из кладки стены «дома знатного урарта».

Наряду с созданием бесчисленных материальных благ упомянутые выше земледельцы-идолопоклонники заботились о памятниках религиозного культа, создавали, совершенствовали идолы и поклонялись им.

Развитие идолов по пути антропоморфизации шло медленно в силу укоренившихся традиций и религиозных представлений. Несмотря на это,

¹ Имеем в виду один из фрагментов клинописных табличек, где дается перечень людей, отправляемых, вероятно, на те или иные работы. См. И. М. Дьяконов, Фрагменты клинописных табличек из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре, ЭВ, II, 1948, стр. 86—89.

² См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур I, стр. 26.

весьма антропоморфные изваяния идолов появились у земледельцев поселения еще на заре урартской экспансии. Об этом свидетельствует находка головы идола и каменных фаллов в завале камней, образовавшемся в «доме знатного урарта» от разрушения стен.

* * *

Упомянутая только что голова идола представляет собою замечательный образец плоской примитивной скульптуры, мало чем отличающейся от известных до сих пор образцов по формальным признакам. Она имела форму трапеции, была обработана лишь с одной стороны и нижнее, расширяющееся ее основание указывало на отсутствие шеи. В то же самое время она резко отличалась от всех прочих оформлением лицевой части. На приподнятом ее лбу сохранился растительный орнамент, расположенный на сей раз почти по вертикали и передающий либо волосы, либо своеобразный головной убор. Рельефные надбровные изгибы и выступающий прямой нос, выполненные одним приемом вместе с резными линиями лба, все еще напоминают растительный орнамент¹. Глубокие отверстия глаз размещены на месте соединения надбровных изгибов с переносицей. Рот и ямки на щеках выполнены почти прямыми углублениями.

На боковых плоскостях овалами выведены уши, ниже которых отмечены, как будто, серьги. Не останавливаясь на анализе этой превосходной находки, заметим лишь, что ею завершается развитие целого ряда антропоморфных изваяний города Тейшебаини и начинается серия плоских и круглых скульптур, которые имеют огромное значение для изучения народного искусства раннеармянского времени.

Аналогичные каменные изваяния, найденные случайно неподалеку от Кармир-блур, в селении Агджа-Кала, а также в окрестностях средневековой столицы Армении Двина и в ряде других районов, образуют характерную группу скульптурных голов, отличающихся архаичностью, одинаковой манерой выполнения и фактурой. При этом, независимо от типа скульптуры, детали лицевой части выполнены во всех случаях на одной плоскости, лоб приподнят и отделен, а тыльная сторона не подвергнута обработке.

Эти общие черты позволяют нам говорить о едином архаичном облике образцов древнейшей примитивной скульптуры.

Однако целый ряд других особенностей дает нам полную возможность проследить различные ступени их развития. С этой точки зрения имеющийся материал можно делить, грубо, на две подгруппы. В первую подгруппу мы включаем наиболее примитивные и архаичные образцы, не имеющие определенной датировки, но соответствующие кармирблурскому

¹ Гораздо более примитивные и древние образцы аналогичных женских статуэток известны среди памятников культуры древнего Востока, относящихся к лагашской или к более ранним ступеням. Особого внимания среди них заслуживают некоторые фрагменты скульптурных голов, опубликованные W. Andrae с вырезанными на них ветвями, напоминающими резьбу наших идолов. В одном случае надбровные дуги, нос и лобовая часть трактованы как дерево.

прототипу почти по всем признакам. Самым характерным и архаичным образом этой подгруппы является трапецевидная плоская голова, выполненная на рыжеватом туфе (Агджа-Кала, 1936, инв. № 386). Детали лица и остальные подробности совпадают с основными чертами скульптуры из «дома знатного урарта». Отличительными признаками являются отделение овала лица от остальной массы камня, едва заметные полуциркулярные линии, ниже подбородка, а также оформление резко суживающейся верхней части скульптуры, передающей, возможно, определенного типа головной убор. Вторая, более простая на вид голова из Агджа-Калы (1936, инв. № 40) представляется нам наиболее примитивным памятником круглой скульптуры позднеурартского и раннеармянского времени. Несмотря на примитивизм и отсутствие некоторых основных деталей лица, наличных на предыдущих скульптурах, здесь полностью выделены голова и своеобразный («кавказский») головной убор.

Вторая подгруппа состоит из трех наиболее поздних и совершенных изваяний, происходящих из окрестностей исторического Двина (сел. Лусакерт, 1925, инв. № 1006, сел. Неркин Двин, 1925, инв. №№ 84/т, 412/т) и завершающих собою определенную ступень развития памятников рассматриваемого типа.

Первая из них (№ 1006) почти примыкает к более древней группе фактурой, размерами, манерой выполнения деталей лицевой части и другими особенностями, но имеет шею и лишена, таким образом, обычной трапецевидной формы, что является главной отличительной чертой упомянутой выше второй подгруппы.

Основным отличительным признаком двух остальных изваяний (№№ 84/т, 412/т) является наличие на них головных уборов, типичных для дохристианского времени¹. Подобные головные уборы известны по образцам армяно-коммагенской скульптуры последних веков до н. э.², а также по монетам царей Арташесидской династии.

Таким образом, удастся увязывать памятники примитивной скульптуры аборигенных компонентов армян нач. I тысячелетия до н. э. с примитивной армянской скульптурой народной школы начального периода н. э. Подобные связи можно проследивать и на примере других памятников материального производства указанного периода. Приведем лишь один пример.

При расчистке верхнего слоя главного помещения «дома знатного урарта» в южном его углу было открыто погребение типа обнаруженных ранее захоронений, датированных серебряной драхмой Александра Великого (конец IV в. по определению А. А. Быкова). Погребение оказалось на стерильном слое земли (толщ. 10 см), покрывающей участок, под которым впоследствии был обнаружен глиняный тондыр этого помещения. У черепа лежащего на правом боку в скорченном виде скелета стоял характерный двуручный кубок вытянутых пропорций светло-оранжевого от-

¹ При публикации двинских скульптур К. Г. Кафадарян показал, что эти памятники ни в коей мере не могут быть отнесены ко времени принятия христианства.

² См. Ч. К. Տիրացյան, Հայկական արտադր, «Սովետական արվեստ»:

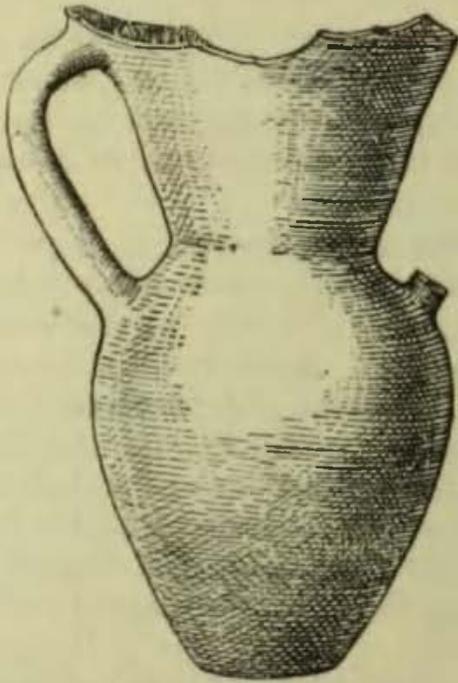
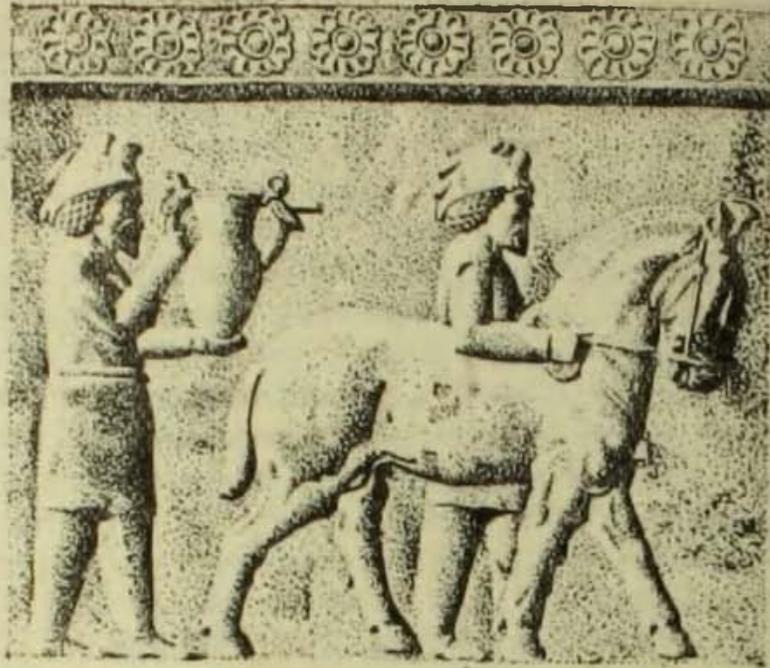

Рис. 4. Кувшин из погребения и персепольские рельефы
Ксеркса

тенка с несколько поврежденным венчиком. Более приземистый, толсто-стенный, двуручный сосуд охра-красного оттенка был найден в цитадели города Тейшебаини. Обломки таковых особенно часто попадались при раскопках урартской крепости Ирпуни, относящейся к VIII в. до н. э. Отличаясь от погребального кубка пропорциями, фактурой и грубостью, эти сосуды являются, несомненно, прототипами двуручных кубков, бытовавших в Армении вплоть до начала нашей эры. На это указывают находки крупных фрагментов, типа кармирблурского погребального кубка в ок-

рестностях древнеармянской крепости Каранлуга, связанной с арамейской надписью II в. до н. э.

Погребальный кубок открытого захоронения находит точные свои аналогии в сосудах, изображенных на рельефах дворца Ксеркса в Персеполе, на которых, по мнению ученых, представлены армяне, преподносившие дань персидскому царю¹. На этом основании, при учете стратиграфических данных и инвентаря указанного типа погребений, мы склонны датировать данное захоронение V—IV вв. до н. э.

Если правильно это наше предположение, то при дальнейших работах окажется много общего между вещественными памятниками могильника раннеармянского времени (V—IV вв. до н. э.) и археологическим материалом из городских жилищ, покинутых внезапно в самом начале VI в. до н. э. В ходе изучения городских жилищ за последние два года подтвердилось многое из ранее наблюдаемого.

В итоге остается отметить, что при отсутствии хозяйственно-правовых документов совместное изучение городского поселения и цитадели приобретает значение наиболее важного первоисточника для определения многих вопросов культурного, этнического и социального характера и для изучения вопроса взаимосвязей урартской и раннеармянской культур.

¹ См. *E. Schmidt, Persepolis, I, Chicago, 1953, стр. 82, 85, 118, 135, табл. 29A и B.*